Аксёнов Василий

20.7.94

ПРЕСС ИНВЕСТ
тел.: (095) 208-85-00
208-96-46
208-98-36
тел/факс: (095) 208-63-19

Василий АКСЕНОВ

ТРИ ШИНЕЛИ И НОС

Рисунок И.ШИПОВСКОЙ

ПОСТОЯННО причисляемый к "шестидесятникам", я и сам себя таковым считал, пока вдруг не вспомнил, что в 1960 году мне уже исполнилось 28. Лермонтовский возраст, этот постоянный упрек российскому литератору, пришелся на пятидесятые, и, стало быть, я уж скорее "пятидесятник": бейте наотмашь!

Стиляжные пятидесятые, тайные экскурсии в Чаттанугу! В моем случае эта экскурсия в конце концов из тайной стала явной, поскольку в 1980-м я получил пинок красным лаптем под задницу.

Приятен мне, господа, русский суффикс "яга". Идет он несомненно от скифов и пахнет кочевой чертовщиной. Всегда осязаю его присутствие, когда думаю о том, как "коммуняга" ненавидел "стилягу", как он, "бедняга", немного подох, а стиляга, оказывается, еще немного жив, "доходяга". В этом ключе можно и в индейскую Чаттанугу всунуть дольку скифского чесноку, тогда у нас все закончатчит.

Позапрошлым летом Виктор Славкин пригласил меня на премьеру своего фильма о "пятидесятниках". Бывшие стиляги рассказывали в этом фильме о своей молодости. Каждого из них режиссер усаживал на просторное сиденье открытого "ЗиСа" и снимал с одной точки во время проезда по Москве. Эффект получался любопытный. Пожилой человек пытается что-то вспомнить, говорит вяло, неинтересно и вдруг замечает какой-то перекресток, арку какого-нибудь памятного ему дома, и тогда сквозь опустившиеся брыла и набухшие подглазья пролетает искра, и вы на мгновение видите перед собой мальчишку тех времен сорокалетней давности.

Во время дискуссии Славкин предложил и мне выступить, поделиться воспоминаниями о стиляжных пятидесятых. Признаться, мне не хотелось говорить. После учебного года в американском университете в Москве вообще-то хочется помолчать. Вдруг в зале я увидел знакомое лицо – впоследствии выяснилось, что это была дочь одной девчонки из нашей молодой компании, – и как-то сразу возникла череда сцен, "полусмешных, полупечальных", странный парафраз к одной из моих нынешних университетских тем, к "Гоголиане".

Я НИКОГДА не был стилягой в гордом и демоническом смысле слова. Скорее уж я был жалким подражателем, провинциальным стиляжкой. Иной раз во время каникулярных поездок из Казани в Москву или Питер я видел группки немыслимых гордецов в узких брюках и ботинках на толстой подошве, с набриолиненными башками, стоящих возле "Авроры" на Петровских линиях или возле "Астории" на Исаакиевской. Набриолиненная башка была, пожалуй, самым доступным атрибутом из стиляжного набора, и мы с такими башками собирались на танцах в казанском Доме ученых. Что касается "шмоток", то тут от нас за версту разило халтурой, потугами провинциальных "телеграфистов".

Между тем на экраны каким-то чудом прошел французский фильм "Их было пятеро". Там герой таскался в пиджаке со сверхразмерными плечами и длинной шлицей через всю задницу. Он даже, кажется, что-то говорил об этом пиджаке своей девушке: вот, мол, видишь, какой у меня американский пиджак! Вдвоем с молодым портняжкой мы решили замастырить такой пиджак из местных материалов. Облазив все магазины, нашли ткань в мелкую клетку. Портняжка трудился три недели и наконец сказал, довольный и гордый: ну, вот, Васек, теперь ты у меня в порядке, как пограничник! Какое отношение я имею к пограничнику в таком "клевом" пиджаке, я не спросил и полетел, то застегиваясь, то расстегиваясь, развеваясь шлицей и напевая стиляжный "сумбур вместо музыки".

Однажды дяде сшили новый китель,
В обтяжку!
Он на нем сидел.
Но после долгой глажки
Усердного портняжки
Тот китель
Вверх тормашкой
Полетел!
О, миледи!
Тот китель
Вверх тормашкой
Полетел!

Едва я появился в своем новом пиджаке на курсе, как сразу же стал объектом комсомольской сатиры. В стенгазете "Лечфаковец" тиснули карикатуру с рифмованной подписью: "Этот клетчатый пиджак Был хорош бы для стиляг, Ну, а вас, сокурсник Вася, Он совсем, совсем не красит!" Таким образом мединститут меня вписал в свою малочисленную команду мальчиков для битья, и с тех пор в каждом выпуске "Лечфаковца" я находил что-нибудь о себе под рубрикой "Кривое зеркало". Только много лет спустя я узнал, что все эти стишки и карикатуры на меня тщательно собирались местной гэбухой, поскольку я находился у них "в разработке", но это особая тема.

Вьюноша всегда мечтает стать частью городской мифологии, и поэтому я был очень вдохновлен, когда меня в моем пиджаке стали приглашать постоять с ними другие персонажи "окон сатиры", а именно Владик "Крукса", Сережа Елкин-Палкин, Ирина "Домино", Ушанги Амбердыдзендзиашвили. Увы, постоять с ними возле мраморного льва на главной улице я мог только поздней весной или ранней осенью. В холодное время я ко льву старался не приближаться в связи с отсутствием соответствующей "упаковки".

СЕЙЧАС могу признаться: я ненавидел свое зимнее пальто больше, чем Иосифа Виссарионовича Сталина. Это изделие, казалось, было специально спроектировано для уничтожения человеческого достоинства: пудовый драпец с ватином, мерзейший "котиковый" воротник, тесные плечи, коровий загривок, кривая пола. Студенты в этих пальто напоминали толпу пожилых бюрократов.

И вдруг однажды сверкнул мне "луч света в темном царстве". В тот день, подлейший мартовский слякодень, забрел я в комиссионку на Кольце. Обычная дыра, завешенная траченными молью бухарскими коврами и чернобурками, заставленная китайскими вазами и термосами. И все-таки эти нафталинные лавки имели какое-то отношение к городской мифологии. Об этой на Кольце, в частности, было известно, что в ней Сережа Елкин-Палкин купил когда-то набор иностранных пластинок с собакой возле раструба граммофона, из которого доносится голос ее любимого хозяина.

Едва лишь я в тот день подошел к этой комиссионке, как из нее вышел мужчина лет на десять старше меня, не кто иной как джазист-"шанхаец" Герман Грамматиевич. Он был без пальто.

Эти "шанхайцы", молодые русские патриоты, играли еще недавно в большом оркестре и развлекали буржуазную публику в огромном городе на реке Хуанпу. Грандиозные победы красных орд товарища Мао-Цзедуна подтолкнули весь оркестр выехать на историческую родину. Джазисты еще не догадывались, что история там в данный момент повернулась задницей к подобным американизированным биг-бэндам. Неся с собой репертуар Глена Миллера и Вуди Германа, они думали: вот тебе, любимая родина, все лучшее, чему научились молодые патриоты на реке Хуанпу!

Благодарность родины оставляла желать много лучшего, однако не дотянула и до худшего. Могла бы ведь и полоснуть поперек пюпитров, однако вместо этого просто пенделем под зад вышвырнула космополитическую заразу в пыльный Зеленодольск, штаб-квартиру умирающей Волжской военной флотилии с ее плоскодонными крупнопушечными мониторами. Там козы толпой проходили под вечер по главной улице, что давало возможность джазистам сравнить их блеяние со звуками международного сеттльмента в Шанхае.

Вдруг неизвестно откуда пришло смягчение для патриотов: разрешено перебазироваться в Казань и там перейти на одиночное репатриантское существование. До сих пор не понимаю, почему наша родина вдруг проявила такой либерализм и не отправила лабухов на свои колымские угодья вместо университетского города, где уже с жадностью подрастало новое студенческое поколение. Так или иначе, "шанхайцы" рассосались в Казани по ресторанам, кинотеатрам и клубам, где стали исполнять утвержденный реперткомом набор народной музыки. И все-таки, и все-таки, иногда, "под балдой", перемигнувшись с публикой, они вдруг выдавали свой свинг, растягивая перед местной жалкой молодежью огромные медные закаты внешнего мира.

Итак, это был один из них, из нездешних, некий барабанщик Гоша Грамматиевич, который, сдав последнее пальто в комиссионку, теперь налегке скользил к магазину "Вина-воды". Через минуту я уже смотрел на пальто Грамматиевича из-за китайской вазы. Под эгидой Китая в тот день сцепилась связь времен, распавшаяся ранее под эгидой России. Из-за вазы с драконами русский юнец взирал на американское пальто, купленное когда-то на реке Хуанпу. Хоть и неуклюжая, но явная попытка найти гармонию в экзистенциальном хаосе.

Среди обычных советских черных и коричневых колоров дерзко выделялось пятно верблюжьего цвета, свисал пояс с металлической, не наших очертаний, пряжкой. Невинно пялились невиданные пуговицы, похожие на треснувшие орехи. Лучше сразу уйти, это пальто стоит пять тысяч. Даже если продам "Балтику" и "Кировские", не наберу и на треть. Крукс его купит через двадцать минут на обратном пути с тренировки по поднятию тяжестей. Лучше сразу разворачиваться, нам оно не по чину.

Здравствуйте, нет ли у вас демисезонного пальто на мой рост? Нет ничего приличного, молодой человек. А вот это, например? Вот это желтое, что ли? Что ж вы такое носить будете? Ну, просто попробовать. Ну, не советую.

Вот оно в руках, блаженное, шелковистое прикосновение. А где же ценник, ценник-то? Каков сюрприз, пальто стоит не 5000, а всего лишь 500, всего лишь две месячные стипендии! На пряжке внутри фирменные буквы: Jennings! Внутренние органы неприлично заторопились. Пряжка с зубчиками. Пояс немного залохматился. Это из-за зубчиков, так и полагается. Да ему сто лет, этому пальтишке, молодой человек. Послушайте, дорогая девушка, будьте человеком, отложите его для меня! Я через два часа, через час приду с деньгами! Ну, вы комик, молодой человек! Да вы хоть примерьте!

Что ж тут примерять-то, и так все ясно. Это пальто, как Лоуренс Аравийский, скакало ко мне всю свою долгую жизнь. То львицей вздувалось оно, то опадало шкурой львицы. Оно всегда жаждало меня, дорогая неуродливая продавщица! Оно всегда пылало ко мне, хоть и болталось на плечах барабанщика! Оно в конце концов ушло от него, и вовсе не оттого, что Гоша пропился в дым и задолжался швейцару Туго, а оттого, что почувствовало мою близость. Дорогая Нина Васильевна, происходит не коммерческий акт, а предначертанная встреча взаиможаждущих особ, волжского мальчика и американского Верблюдо. Верлибром вертелось блажное Верблюдо, блюдя веритути бананом на блюде, не так ли?!

Итак, оно мое, и пусть не хватает одной ореховой пуговицы, а вместо нее неверной рукой, умеющей только выколачивать брейки в "Сент-Луис блюз", пришита советская офицерская, и пусть межлопаточная поверхность имеет тенденцию к быстрому пропуску дующего в спину ветра, и пусть пояс залохматился под естественным влиянием зубчиков, и пусть обшлага и полы чуть-чуть завельветились, и пусть, и пусть!.. О, Верблюдо!

ВМЕСТЕ с этим пальто мы стали углубляться в почти антисоветскую молодость. Оно помогло мне пережить исключение из Казанского мединститута. Может быть, именно оно подсказало мне укрыться в Москве. Им я и укрывался во время ночевок на московских вокзалах, среди могучей щусевской архитектуры. Через межлопаточное пространство уже начинали просвечивать державные люстры. Веселая тетя Наташа, прибывшая в Москву для "спасения ребенка", всплеснула руками: "Васька, да ты люмпен! Что я напишу в Магадан Жене?!"

Ни мать, ни тетка, ни сам вечно чихающий студент-люмпен не подозревали, что подходит его срок вместо американского Верблюдо примерить лагерный ватник. Только спустя много лет стало известно, что изгнание из института было прелюдией ареста. Малая родина склонна к предательству не менее, чем большая, но это, конечно, особая тема.

Переехав в Питер, я оказался под опекой тетки. При всем веселом нраве она была носительницей здравого смысла. Маме была отправлена депеша с описанием скандального рубища. Мать с гневом прислала ей деньги, чтобы купить мне новое, настоящее пальто. Засим мы отправились на Обводный канал, во Фрунзенский универмаг. Там под тяжестью советской одежды гнулись металлические вешалки. Тетка с бесконечными ифлийскими хохмизмами, но неумолимо – "волею пославшей мя сестры!" – выбрала нечто стахановское и тут же повлекла племянника в фотоателье для выполнения подтверждающего акцию снимка. Даже без следа иронии на бледном, отретушированном лице позирую в виде положительного героя соцреализма.

Как ни странно, совсем не помню сейчас, как испарилось мое злокозненное Верблюдо с его протертой уже до нитяной структуры спиной, с поясом, на котором зубчики уже не знали, за что зацепиться, с вермишельными рукавами, оно, так ярко осветившее мою раннюю молодость и взбудоражившее двух сестер Гинзбург, разделенных пространством в 12 часовых зон. Может быть, и впрямь испарилось, сделав свое дело, сняв с юнца советский номерной знак, вдруг, в пьяной питерской ночи малой шкуркой, обрывком закатной тучки поднялось, подобно "небесным верблюжатам" Елены Гуро, над крутыми склонами Исаакия, и там, достигнув уже не-материальной ветхости, как раз и испарилось?

"ЭТОЙ штуке место в ломбарде", – взвесив фрунзенское добро, сказал мне мой новый, балтийский друг Михаил Карповиус. Этот узколицый молодой человек в резко сдвинутом набок литовском берете, помимо многих других открытий, открыл для меня существование ломбарда, то есть воплотил литературную ситуацию в жизнь.

Благо было уже тепло и мы щеголяли в китайских плащишках. Быстро в плащишках перемещались из одной клиники в другую, интересуясь не столько больными, сколько сокурсницами, и в частности высокой рыжей девушкой, Леной Горн, о которой "на потоке" говорили, что она "дает сходу", и которая смотрела на нас всех с нескрываемым презрением.

Осенью я "построил" себе другое пальто, неплохую замену моему растворившемуся Верблюдо. К тому времени Америку в наших сердцах резко отодвинула Франция. Приехал стриженный ежом Ив Монтан. В пивных мы имитировали его шансоны. Вот, вообразите, заходишь в какое-нибудь прокисшее пролетарское заведение, а там компания поддатых молодцов хором исполняет: "Я так хочу хотя бы раз Кольцо Больших Бульваров обойти в вечерний час!" Вот вам удар по вашим стереотипам, господа западные филологи и романисты. В заведении, именуемом "Пиво завода имени Стеньки Разина", вы ждете услышать "Из-за острова, на стрежень", узреть что-нибудь надрывное, подноготное, а вместо этого перед вами мельтешит толпа петербургских буршей, голосящая: "C'est à loin, loin; Oh, les pays lointains"..., а один из этих выпивох бродит от стола к столу в ив-монтановском пальто внакидку, да еще и в трехцветном шарфе, Liberté, Egalité, Fraternité, связанном сокурсницей и на 35 лет опередившем российские стяги Августовской революции.

В этом пальто в ту осень мечталось не "хиляние по Броду", а сопротивление на будапештских баррикадах. Однажды как-то на Мойке или на Канале Грибоедова, вывалившись толпой из очередного препохабнейшего заведения, начали шуметь: "Сколько же можно терпеть?! Давай, начинаем, студенты! Руки прочь от Венгрии, сволочь сталинская! Завтра выходим на демонстрацию! За нами весь Невский пойдет! А потом и весь Путиловский! Завтра вот здесь и начнем в шесть часов вечера перед восстанием!"

После шумства разбрелись в разные стороны, трепеща и предвкушая жертвенный подвиг. Полночи я тащился в сторону моего тогдашнего жилья по самому западному в городе адресу, на Лесную Гребенку. Тусклая геометрия бывшего Петербурга подставляла мне свои острые углы. Тумбы и водопроводные люки вступали в противоречия с гравитацией. Пару раз заехал в морду оккупанту, то есть со всего размаху по водосточной трубе.

Вдруг враждебная морось и слякоть материализовалась тремя субъектами, виртуозами припортового гоп-стопа. В буквальном смысле, как Акакия Акакиевича, они вытряхнули меня из моего нового пальто. "Что за шутки?!", – возопил я и обнаружил вокруг себя полнейшую пустоту, среду, как говорится, максимального отчуждения. Не было даже Луны, чтобы надо мной посмеяться. Остатнюю часть пути я не мог с определенностью сказать, где я нахожусь: в середине ли страницы альбома, в котором сейчас эту историю записываю, альбома, подаренного поэтическим другом русско-татарско-итальянского происхождения и крытого скромным куском вельвета с беленькими цветочками, или посредине улицы, проявившей гнусную суть свою в бестрамвайные часы разбойной ночи, улицы все тех же, ничуть не изменившихся петербургских призраков и чертей, охотников за нашими дражайшими шинелями, насильников нашей дрожащей юности, и куда направляюсь: в американскую ли, инспирированную ОПОЯЗом славистику, или на Лесную Гребенку плакаться в жилет Мише Карповиусу.

ПРИПОМИНАЕТСЯ, что на следующий день, в пиджачке, я все-таки оказался в районе Церкви-на-Крови, где намечалось возведение первой ленинградской баррикады, однако никого и ничего там не нашел, кроме развалюхи-грузовика с бочкотарой. Все мятежники, должно быть, как и я сам, то ли опоздали, то ли слишком поторопились. Короче говоря, восстание не состоялось.

Реализм подступал со своими проклятыми вопросами, дул под пиджачишко, напоминая то, что учили в институте о воспалении седалищного нерва. Где взять пальто? Ведь не строить же заново! "Мы тебе в порту купим мантель с подкладкой", – утешал Карповиус. Да на какие же шиши? Отсутствие шишей создавало пограничную, "лиминальную" ситуацию, вне которой не могла возникнуть молодая проза, как это позднее выяснилось. Даже Двадцатый съезд нашей партии, положивший конец злоупотреблениям "культа личности", не вызывал желания слиться с народом в его новом трудовом порыве. Напротив, в вечерних ледяных шатаниях все чаще выплывал перед наследниками Башмачкина какой-то сквозной, сквозь всю непогоду, отрыв.

Лена Горн расхохоталась всей своей развевающейся медью. "Да вы, Василий, и впрямь дрожите, милейший, словно Акакий Акакиевич!" Она шла по Невскому в сопровождении Носа. По совершенно случайному совпадению ее спутника так и звали, Нос, в том смысле, что был он, конечно, Носов. Некоронованный король Невского, главный стиляга, идеально сложенный и идеально одетый Нос. Очень прямой, руки почти всегда в карманах, с немного преувеличенной из-за прически, хорошей, лобастой головой, с многообещающей улыбкой, Нос.

"Закаляешься, старый?", – спросил Нос Башмачкина с радушием обитателя Букингемского дворца при обращении к солдату караула.

Они прошли, но Лена на секунду обернулась, очевидно, чтобы увидеть, как летит под ледяным ветром единственный оставшийся у меня утеплитель, триколор свободы. А я нырнул в подвальчик, благо тогда немало на Невском было таких подвальчиков с водкой в разлив и с разливанными разговорами.

Неунывающий Карповиус предложил несколько способов увеличения денег. Ну вот, например: одалживаемся в общежитии у Гренадерского моста и выкупаем из ломбарда "то, твое", а потом продаем дешевле госцены, но в два раза дороже залога. Ну, вот еще : набираем ночных дежурств на Карантинке, оплачиваются вдвойне. Ну, еще что-нибудь, например: тайком, чтобы не уронить медицинский престиж, нанимаемся мыть стекла на Лесной Гребенке. Поставим бутылку коменданту, он нам выпишет на пару, вдвойне. Всюду этому оптимисту в те ранние годы виделся двойной выигрыш. Он еще не знал, что через год уйдет в океан, и рулетка закрутится в его пользу сверх всяких ожиданий: вдвое, втрое, в сто раз на несколько лет, пока он вдруг не рухнет и не задохнется в тоске, в развале и в собственных извержениях.

Как ни странно, все способы Карповиуса тогда более или менее сработали. К ним прибавилась еще сумма, одолженная у однокурсниц, и в результате появилась возможность еще раз пригласить читателей в комиссионный магазин, теперь уже на Невском. Опять ковры и китайские вазы, плюс несколько статуэток Будды с ярлычками: "Буда простая, медная". Вдруг молодой продавец, волосы "под канадку", поманил меня пальцем с печатным кольцом. "Я вижу, ты из наших", – сказал он. "Офкос", – подтвердил я на языке порта. "Пальтец нужен?", – спросил он. "Вот именно пальтец и ищу!", – едва ли не вскричал Башмачкин послесталинской формации. "Тогда считай, что тебе повезло!" Он бросил на прилавок нечто светло-серое, плотного сукна, и в ту же долю секунды, пока брошенное еще успокаивалось на прилавке, я понял, что опять случилось в жизни нечто чудесное, что это пальто ко мне прямо из Парижа залетело, что в нем нет никакой "самостроковской" утрировки, один лишь европейский стиль 1956 года, когда кумиром Левого берега Сены был некий реакционный писатель, месье Альбер Камю.

Все эти дела с разными берегами Сены, с Альбером Камю и с его эссе "Бунтующий человек" были нам еще неведомы, они пришли позднее, однако мне кажется, что я уже и тогда, осенью 1956-го, каким-то предлитературным чутьем предполагал их существование. Сознание послесталинских мальчиков совершало иной раз непредсказуемые виражи. Ну вот, например, про упомянутого уже певца Больших Бульваров Ива Монтана пресса с придыханием писала, что он "убежденный коммунист", а Миша Карповиус по этому поводу глубокомысленно изрекал: "Если уж там даже коммунисты такие, то чего же ждать от беспартийных?!"

"Прикинь!"– говорит мне молодой продавец "из наших". Прикидываю. "Ты в поряде!"– ухмыляется он. Карповиус из-за стекла (он уже на Невском с двумя девушками объясняется) показывает мне два больших пальца. "Этот пальтец сегодня Нос приволок, – говорит продавец и кивает со сдержанной гордостью. – Вот именно, сам Нос. Ему эту штуку Левка Волков отстрочил по французским выкройкам"

Меня охватывает странное, едва ли не мистическое чувство. "А что же он сам-то, Нос-то, не носит?" "Раздался в плечах", –поясняет продавец. "Как начал с Ленкой Горн гулять, так и раздался в плечах. Только что сшил, и вот весь малость вздулся в верхних частях: плечи, грудь, холка. Теперь, говорит, новое буду шить, а это, говорит, Игореша, продай с умом, то есть кому-нибудь из понимающих". Мистическое чувство усиливается. Нос только притворялся, что шьет себе. В глубине своей сути он, конечно, понимал, что новое пальто перекочует к другому персонажу. Плечи, грудь, холка, раздувшиеся из-за любви к медичке, – это просто отговорки. Литературная метафизика торжествует!

ВЕСЬ остаток вечера мы дефилировали по Невскому, Карповиус в своем клайпедском кожане и я в пальто от Носа. На Невском тем временем развивалась сенсация: шел герой молодежи Михаил Козаков, то есть красавец-негодяй из фильма "Убийство на улице Данте". Шарф брошен через плечо, горит драматический глаз. За ним – куча поклонников, у всех шарфы через плечо, в зрачках свеча. Мы с Карповиусом присоединяемся. Кумир заходит в рюмочную. Широкий жест: "Всех угощаю! Выпьем за искусство, за будущее!" Еще по одной, еще по новой! Не осквернять же эти мгновения мокрыми бутербродами с килькой, похожей на ржавое серебро гниющего сарацина. Пьем без закуски.

Далее все разрастающаяся свита (кажется, уже без предводителя) направляется в кинотеатр "Хроника", где идет боевой документ "Разгром контрреволюции в Венгрии". Мы с Карповиусом смотрим его уже в пятый раз, поскольку там крупным планом фигурирует вчерашний сокурсник Жига Топаи. Диктор зловещим голосом вещает: "На второй день к кинотеатру "Корвин" стали стекаться грузовики с реакционным отребьем". Близко к камере проходит "Татра", у нее в кузове толпа молодых ребят, все они кажутся нам однокурсниками. Укрупняется до полной узнаваемости фигура собутыльника Жиги Топаи, получившего в институте известность своим романом с поварихой клиники профессора Углова. Он в таком же пальто, как теперь у меня, только на груди у него автомат Калашникова. Любовник поварихи и одновременно еще полудюжины дам из больницы Эрисмана оказался отважным антисталинистом! На выходе Карповиус кладет мне руку на плечо: "Жаль, что нас там не было". В толпе несколько человек оборачиваются и внимательно смотрят на нас.

За время просмотра Невский еще больше вошел в раж. Непонятно, по какому поводу эта толпа к десяти часам вечера впадает в такое возбуждение. "В кабаках, в переулках, в извивах (в каких еще извивах, Александр Александрович, если это не просто для рифмы?), /В электрическом сне наяву/ Я искал бесконечно красивых/ И беспечно влюбленных в молву..." Цитируется по памяти, она же, любезная, подсказывает, что тогда, осенью 1956 года, в толпе на Невском нередко мелькали вот именно те, "бесконечно красивые", которые в моем затянувшемся юношеском воображении относились к блоковскому урбанизму, к темным отшлифованным гранитам и матовым мраморам, к извивам (ага, вот они, извивы!) бронзы и чугуна, еще оставшимся от Серебряного века и еще как бы живым.

Молодежь, как известно, никого не замечает на улице, кроме самое себя. Так и я, очевидно, не видел в тот вечер большинства ленинградской толпы и уж тем более не видел ее жлобов, или, как тогда там говорили, "скобарей". В новом, "носовском", пальто я ощущал себя одним из тех, "бесконечно красивых", и был уверен, что со мной этой ночью произойдет что-то необычное.

КАРПОВИУС пропал, с ним это постоянно случалось в ту осень. Естественно, вскоре я обнаружил себя в подвальчике "Советское шампанское", что на углу Невского и Садовой. В те времена там сливали в тонкостенных стаканах весьма эффективную смесь: сотку коньяку и сотку СШ. К этому еще присовокуплялась "для культуры" большая шоколадная конфетина. "Пора!", – сказал я после первого стакана, таща второй. "Куда?", – спросила меня восхищенная масса. "На баррикады, – любезно пояснил я. – Сегодня в городе начинается восстание". "Какое еще такое восстание в колыбели революции? – скандально удивились массы. – Соображаешь, о чем говоришь, ты, кент?" "Восстание за свободу, – продолжал уточнять я. – В знак солидарности с растерзанным Будапештом. Все на баррикады, ребята! Ура!" То одно, то другое приближались ко мне отвратные советские лица, или, как автор "Шинели" и "Носа" их называл, "кувшинные рыла". "Давай, тащи его в милицию, товарищи! Агитатор – оттуда!"

Двое длинноруких выволокли меня наружу под скандинавский восторженный ветер. Ничего не стоит смахнуть таких падл, винегретных, отблеванных гадов! Почему-то не получалось. Двое патриотов страны Советов вцепились мне в плечи, в мое парижское пальто, не отодрать! "Давай, тащи агитатора! Вон мент стоит! Товарищ милиционер, контру поймали!" У них не получалось меня тащить, у меня не получалось их отодрать. "Товарищи прохожие, помогите стилягу в милицию сдать! О Венгрии болтает!" Товарищи прохожие, ни черта не разбирая среди гудков, звонков, свиста ветра, спешили пройти: подобных сцен, когда двое висят на одном, по всему Невскому было немало.

Мент наконец заметил сценку, начал приближаться. "Что за базар? Предъявите документы!" Отодрав пару щупальцев, вытягиваю паспорт с законной ленинградской пропиской. "Все в порядке, гражданин, – говорит мент и с некоторым рыком поворачивается к бдительным. – А ваши где паспорта, гопа?" Бдительные, хлюпая от обиды, вопят: "У контриков, у шпионов паспорта всегда в порядке! Ты что, сержант, не понимаешь политической подоплеки? Бдительности тебя не учили?" Мент морщится: вот схлопотал на собственную задницу самодеятельности! Надо было в другую сторону пойти. Ищет взглядом своих. Вон, кажись, торчат две башки в фуражках. Достает свисток. "Ну, давайте разбираться!"

"Этап на Север, срока огромные!" – сдуру запел я. Вижу себя в колонне магаданских зэков, тащимся из порта в санпропускник. Включается демагогия. "Эй, эй, сейчас не те времена! Партия сказала, к прошлому возврата нет!" Две фуражки приближаются. Останавливаются любопытные. Приключение достигает высшей точки. Арест на Невском молодой контры.

Вдруг оказывается, что повороты сюжета еще не исчерпаны. Из толпы выделяется быстрый, лисий перелив меха, взлетает рыжая грива, энергичной цитатой проходит, как молния, какая-то молодая дама, "у которой всякая часть тела исполнена необыкновенного движения". Я всегда подозревал, что классика в этой части города сильно отдает модерном. Она приостанавливается и оказывается все той же Ленкой Горн с нашего курса. "Вася, что это с вами? Что вы тут с этими скобарями не поделили?" И вслед за ней, раздвигая толпу плечами, появляется, разумеется, Нос, на самом деле как-то основательно раздавшийся в плечах и весь как бы светящийся малиновой мужской энергией: "Что за шум, а драки нет?"

Это тут какие-то без прописки какого-то с пропиской. Да я на "доске почета" в номерном предприятии, товарищи милиционеры! Давай, машину вызывай! А вот этого я бы вам не советовал. А ты кто такой, чтобы советовать? Я бы на вашем месте мне не тыкал. Они тут все стиляги друг за друга, контрики! Родную нашу советскую власть порочат! Который тут контрик, вот этот, в шинельном, что ли? Я бы на вашем месте взял свои слова обратно. Товарищи, вы что не понимаете, перед вами будущий знаменитый писатель, не трогайте его! А вы, товарищ красивая женщина, поберегли бы свою репутацию! Это вот этот, в шинельном, что ли? Ну-ка, гражданин в шинельном и вы двое без прописки, давайте-давайте в машину!

Меня, которого менты почему-то называли "этот в шинельном", и тех длинноруких от патриотизма "скобарей" начинают тыкать к машине, которая гостеприимно раскрывает свое заднее вместилище. Вдруг происходит еще одно, как бы Карповиус сказал, "сценическое движение". Нос предъявляет милиции красную книжечку в ладони. Вспыхивают, проносясь мимо меня, три золотые буквы. решимость милиции мгновенно улетучивается. Козырнув Носу, сотрудники удаляются. С пустым задком отъезжает и гостеприимная машина. Энтузиастов отечества Нос прогоняет легким "пенделем", одним на двоих.

Когда все это так просто закончилось, мы пошли втроем в сторону Адмиралтейства. По законам какой-то неведомой композиции в этом месте напрашивается промельк пейзажа. Ну, Луна, конечно, ну, шпиль. Круглое и острое, отсвечивая друг от друга, доминировали в очищенном от туч и почти морозном небе: баста!

Не могу сказать, что неожиданная метаморфоза главного питерского стиляги очень меня вдохновила.

"Хотел бы я знать, почему меня менты называли "этот в шинельном", – сказал я, просто чтобы что-нибудь сказать. Нос хохотнул: "Да у тебя же, старый, пальто из офицерского сукна Советской армии. Это моему бате сверхурочный отрез выдали в штабе округа. Неплохо его Левка Волков отстрочил, правда? Жаль, что мне самому не подошел этот пальтец по известным обстоятельствам". С улыбкой он повернул всю верхнюю часть своего тела, включая превосходную голову, к своей подруге. Та передернула плечами: "Неуместно, Нос! – Она, казалось, больше интересовалась мною. – А я и не знала, что у вас определенные взгляды, Василий!"

Я чувствовал себя так, будто меня снова вытряхнули из пальто. "Я своих взглядов не скрываю". "И правильно делаешь, старый!", – бодро сказал Нос. "Можешь доложить там, в вашей организации", – буркнул я. "В какой еще организации?" – удивился он. "В той, которая тебе книжечку выдала с тремя буквами".

Он как-то странно, даже как бы невероятно расхохотался. Остановилась изумленная Лена. Остановился изумленный я. Смех как будто шел не из данного тела, а как будто рикошетом от столба к столбу ниоткуда, с завихрением под Аркой Главного штаба.

"Вот чудак, – сказал мне Нос, – ты, наверное, не успел рассмотреть моей книжечки. На ней и впрямь три буквы, да не те!" Он снова выхватил из кармана эту секретную книжечку и продемонстрировал ее в глубине своей раздувшейся и перетянутой линиями судьбы ладони. На книжечке читалось: НОС.

Мы оба, Лена и я, просияли. Вернулось прежнее восхищение этим парнем, хозяином Невского проспекта. "Пока все, – сказал он и приложил два пальца к основанию своего "канадского кока". – Не буду задерживать, попросту испаряюсь. Если найдешь меня в кармане шинели, просто брось в Неву с Дворцового моста. Схвачено?"

НА ОДНОМ приеме в честь члена правительства новой демократической России произошел любопытный разговор.

"Что там говорить, господа, – произнес с хорошей улыбкой член правительства. – Все мы с вами все-таки вышли из коммунистической партии".

"Нет, не все, – возразил я. – Некоторые все-таки вышли из шинели. В моем случае даже из трех".

Неслышно подошедший Андрей Вознесенский сделал добавление: "А некоторые даже из носа. Кто из левой ноздри, а кто из правой..."